

Наследие князя Владимир в XIX-XX веках

В. М. Кириллин

Характер личности благочерного князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях XI-XII вв.¹

Память о святом равноапостольном Владимире, великом князе Киевском и всея Руси, закреплена во многих источниках, — в русском летописании, в ряде литературных произведений XI–XVII вв. и фольклорных памятников, в богослужебной книжности, в иконографии, храмоздательстве, традиции имянаречения. Круг этих источников, причем соотнесенный с информацией, содержащейся в латинских, греческих, арабских, армянских хрониках, в целом определен, опубликован и изучен прежде всего с целью реконструкции жизни и деятельности князя. Этому посвящен значительный массив научных трудов².

¹ В настоящей публикации воспроизводится дополненный текст по сравнению с уже напечатанной статьей того же автора в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики». 2014. № 2 (56). Июнь. С. 32–48 («Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях»).

² См. обширнейшую библиографию к статье: Владимир (Василий) Святославич // ПЭ. Т. VIII: Вероучение — Владимир-Волынская епархия. М., 2004. С. 705–706. В дополнение к данному списку здесь уместно указать работы: Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 300–313; Павленко Г. И. Ипостась Володимира Святого в українських рукописних житіях XVII–XVIII ст. // Магістеріум. Вип. 8. Літературознавчі студії. Київ, 2002. С. 63–71; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 16, 23, 501 и др.; Смирнов П. А. 1) Эволюция образа Владимира Святославича (На материале летописных сводов) / Автореферат канд. филол. наук. М., 2007; 2) Образ Владимира Святославича как крестителя Руси в восприятии его современников по данным «Повести временных лет» // Литература Древней Руси: Коллект. монография. К 100-летию со дня рождения профессора Николая Ивановича Прокофьева. М., 2011. С. 7–22; Плотникова О. А. Сакральный образ князя Владимира в системе средневекового «литературного этикета» // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6 — История. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/> (дата обращения: 11. 12. 2013); Ранчин А. М. Установление почитания Владимира Святого (По поводу концепции А. Поппе) //

И надо отметить, попутно немало сделано также в плане выявления личностных свойств Владимира Святославича. Однако, полагаю, о некоторых нюансах еще не говорилось.

Собственно древнерусские источники содержат разный объем сведений о святом князе и, ввиду вышеозначенной темы, имеют разную ценность. Наиболее ранними и важными, несомненно, являются «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона³ и «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха⁴. В этих двух творениях — соот-

Ранчин А. М. Древнерусская словесность и ее интерпретации: маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011. С. 120–147; *Чекова Илиана.* Князь Владимир — равноапостольник светец на Киевска Рус // *Чекова Лиана.* Първите староруски князе светци (образи, символика, типология). София, 2013. С. 73–125.

³ О Законѣ, Мѡнсѣомъ данѣмъ, и о Благодѣти и Истинѣ, Исѹсомъ Христомъ вывшини и како Законъ отиде, Благодѣтъ же и Истина всю землю исполни, и вѣра въ вся язькы простресе и до нашего язька Рѹскаго, и похвала каганѹ нашему Владимиру, от негоже крещени выдохъ, и молитва къ Богу от всеа земля наша // Прибавления к творениям святых отцов. Ч. 2. 1844. С. 223–252; Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1848. Кн. 7. № 11. С. 21–41; *Соболевский А.* В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси // Чтения в историческом обществе преп. Нестора Летописца. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 45–58; *Срезневский Вс.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. СПб., 1893. С. 32–68; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. журнала «Странник» под ред. А. И. Пономарева. Вып. 1. СПб., 1894. С. 59–85; *Покровский Ф. И.* Отрывок Слова митр. Илариона «О законе и благодати» в списке XII–XIII вв. // ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 412–417; Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. / Изд. подг. Н. Н. Розов // *Slavia.* Прага, 1963. Roč. 31. Seš. 2. S. 141–175; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984; Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 1. / Подг. текста и перев. Т. А. Сумниковой М., 1986. С. 13–41, 45–64, 101–171 (факсимиле рукописи); Фотокопия творѣи митрополита Иларіона із кодексу С-591 // *Лабунька М.* Митрополит Иларіон і його писання / Праці Греко-католицької Богословської Академії. Т. 80. Рим, 1990. С. 53–124; Слово о законе и благодати / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Комментар. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М., 1994; БЛДР. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–61 (подг. текста А. М. Молдована; перев. А. И. Юрченко); *Акентьев К. К.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И. П. Медведева / Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 2005. С. 122–152; *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 146–279 (текст памятника).

⁴ Память и похвала князю рѹсскому Володимиру: како крестися Володимиръ, и дѣти своя крестни, и всю землю рѹсѹю от конца до конца, и како крестися баба Володимерова олга преже Володимера. Списано Иаковомъ мнихомъ // *Макарий (Булгаков), митр.* 1) Три памятника русской духовной литературы XI в. // ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 302–336;

ветственно 40-х гг. и последней трети, но не позднее конца 80-х гг. XI в. — имеются большие разделы, специально посвященные восхвалению Владимира. Кроме них в XI столетии были созданы «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора Летописца⁵ и пространная биография князя, читавшаяся уже в «Начальном летописном своде» и известная по разным летописным сводам и, соответственно, редакциям «Повести временных лет» (статьи за 977–1015 гг.)⁶. Здесь также наличествуют искомые похвальные пассажи: в «Чтении» — в предисловии⁷; в летописи — под 996 г. (условно говоря, прижизненная похвала)⁸ и под 1015 г. (посмертная)⁹. Тематически аналогичные фрагменты обнаруживаются и в других произведениях — в «Житии» Владимира и в «Службе» ему. И тот, и другой тексты, появившись, по-видимому, в XII столетии, затем перерабатывались и видоизменялись неоднократно вплоть до XVII в. Действительно, известны несколько Проложных редакций «Жития», а также редакции Обычная, Распространенные и Особая¹⁰, вместе с тем различают и три версии «Службы» в честь

2) История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 525–530; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. 1-я пол. М., 1901. С. 238–245; *Соболевский А.* В память исполнившегося 900-летия. С. 17–24; *Срезневский Вс.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. С. 17–31; *Срезневский В. И.* «Память и похвала» князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // Записки Императорской Академии наук. Ист.-филол. отд 1897. Т. 1. № 6. С. 1–8; *Бугославский С. Л.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 141–153; *Зимин А. А.* «Память и похвала» Иакова Мниха и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. 1963. Вып. 37. С. 66–72; Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М., 1988. С. 286–290; БЛДР. 1997. Т. 1. С. 316–327 (подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Милютенко); Древнерусские княжеские жития / Подгот. тестов, перев. и коммент. В. В. Кускова. М., 2001. С. 23–29, 30–36; *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 417–434.

⁵ «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба» // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 1–26.

⁶ ПВЛ. Ч. I: Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 53–90.

⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 4–5.

⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 85–86.

⁹ Там же. С. 89–90.

¹⁰ *Соболевский А.* В память исполнившегося 900-летия... С. 7–13, 24–45; *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 3–13 (1-я пагин.); 14–25 (2-я пагин.); *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 149–201, 414–415, 435–477.

благоверного князя¹¹. Между прочим, к началу XV в. определился подбор текстов, размещенных совокупно в виде литературного цикла в «Минейх четвиих» в разделе за 15 июля по ст. ст., — это «Память и похвала», «Слово о Законе и Благодати» в 3-й редакции и «Житие» Владимира в распространенном виде¹² (впоследствии данная подборка была включена в «Великие Миней четьи»¹³). На рубеже XV–XVI столетий возник новый панегирик Владимиру Святославичу — «Похвала»¹⁴, а чуть позднее еще и «Поучение»¹⁵. Но оба произведения широкой популярности у русских читателей не получили. В середине XVI в. уже для «Степенной книги» был составлен очередной — компилятивный — вариант «Жития» равноапостольного князя¹⁶. Наконец, в XVI–XVIII

¹¹ *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // *Странник.* 1888. Май–август. С. 197–238; *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 83–85; *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 67–73; *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 206–212, 478–489; *Джиджора Е. В.* Воспевание святых Владимира и Ольги в киеворусской гимнографии // *Джиджора Е. В.* Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: Сб. науч. работ. Одесса, 2012. С. 139–146.

¹² Сборник 1414 года // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. Вып. I–XL. СПб., 1867. С. 82–88; *Срезневский Вс.* Мушин-Пушкинский сборник 1414 г. С. 1–14; *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 153–159.

¹³ *Иосиф (Левцкий), архим.* Подробное оглавление Великих четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке (ныне Синодальной). Ч. 2. М., 1892. Стб. 313–314; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1: № 577–819. М., 1970. С. 185.

¹⁴ **О крещении Русския земля и от жития кратце и похвала иже в святыих равнаго апостолом и благовернаго великого князя Владимира, нареченнаго в святемь крещении Василиа, крестившаго всю Русскую землю** // *Соболевский А.* В память исполнившегося 900-летия... С. 14, 58–65; *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче: (исследование и тексты) // *Вестник церковной истории.* 2006. № 2. С. 6, 17, 31–39.

¹⁵ **Поучение на память иже в святыих равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святемь крещении нареченнаго Василиа, крестившаго всю Рускую землю. Житие и похвала кратце** // *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии... С. 18, 39–44.

¹⁶ **Повѣсть извѣстна в малѣ явленна о велицѣи Русѣи земли и о началѣ царствующихъ в неи. И житие и похвала блаженнаго и достохвалнаго и равноапостолнаго царя и великаго князя, святаго и праведнаго Владимира, нареченнаго въ святомъ крещении Василиа, всяя Руския земли самодръжца...** // Степенная книга царского родословия

столетиях благодаря украинским книжникам — киево-печерскому архимандриту Иосифу (Тризне), митрополиту Ростовскому Димитрию (Тупталю) и безымянным — распространяются еще несколько вариантов агиобиографии Владимира Святославича¹⁷. Правда, только тексты Иосифа и святителя Димитрия содержат похвальные пассажи в честь благоверного киевского князя¹⁸.

Таков в целом весь корпус текстов, содержащий наряду с фактографическими сведениями еще и панегирические оценки Владимира¹⁹, несомненно, конгениальные представления о нем разных поколений книжников. И думается, есть научный смысл в постановке вопроса об истории этих представлений. Менялись ли они, и если менялись, то в чем именно? Можно ли говорить о факте идейно-художественного развития в древнерусской литературе образа просветителя Русской земли? Как ни странно, несмотря на давний и интенсивный интерес исследователей к перечисленным выше литературным памятникам, именно под таким углом зрения имеющийся материал еще никто не интерпретировал. Конечно, нарратив, то есть конкретика и характер, объем и детальность повествований, особенно самых ранних, как отмечено выше, тщательно изучен в текстологическом, источниковедческом, историко-филологическом, отчасти также в философском и богословском отношениях. Предметом внимания настоящего труда будет собственно рефлексия, то есть не рассказ, а размышления, рассуждения разных древнерусских авторов о личности и деяниях Владимира Святославича, ибо, по-видимому, как раз рефлексивные фрагменты текстов, даже и заимствованные, более идентично и более отчетливо отображают авторские отношение и установки, при том что сами авторы в своем творчестве должны были

по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. С. 218–339.

¹⁷ *Перетц В. Н.* Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.; Л., 1962. С. 28–65 (разд. Житие князя Владимира в украинских обработках XVII в.); *Жиленко І. В.* Пізні українські житія святого князя Володимира: Тексти і коментарі. Київ, 2013. С. 21–134.

¹⁸ Там же. С. 48, 129.

¹⁹ Следовало бы к означенному корпусу текстов приобщить также и «Слово о том, како крестися Владимир, возмзя Корсунь», бытовавшее с начала XV в. в составе Феодосиевской редакции «Киево-Печерского патерика», но вопреки названию это не орация, а исключительно повествовательное произведение, совсем лишенное фрагментов похвального свойства (*Никольский Н. К.* Материалы для истории русской духовной письменности // *СОРЯС*. Т. 82. № 4. СПб., 1907. С. 1–21).

опираться не только на традицию, этикет, типологию; будучи живыми людьми, они, разумеется, улавливали еще и флюиды общественных умонастроений своего времени, аккумулировали, фильтровали их и на этом основании, в частности, вырабатывали собственные взгляды.

Естественно, начало формированию означенных взглядов положено было древнейшими посвященными великому киевскому князю произведениями — сочинениями Илариона и Иакова Мниха. На них и следует в первую очередь сосредоточить внимание.

Но прежде всего, не углубляясь здесь ни в средневековую, ни в современную теорию художественного образа²⁰, необходимо тем не менее отметить, что всякий образ вообще есть представление человека о чем-либо, возникающее в его сознании как результат сенсорно-ментального восприятия любых проявлений реального и умозрительного мира. В литературе образ (в данном случае речь идет не о любом словесном образе, а только об образе персонажа) формируется разными способами. Это — описание действий и внешности, воспроизведение речей, в том числе и внутренних монологов, введение в повествование разных деталей и подробностей, сравнений, уподоблений, противоположений, агентивных и атрибутивных именованных, эпитетов, обстоятельственных оборотов, пояснительно-оценочных суждений. За исключением лишь портретной характеристики, используемой в древнерусском нарративе весьма фрагментарно, отрывочно, избирательно, а главное в угоду обобщенной схеме и традиционному шаблону²¹, все эти способы вполне присущи текстам означенных сочинений и как таковые, очевидно, должны были оказывать воздействие на воображение читателей применительно к Владимиру Святославичу. И здесь важно отметить, что указанные способы, или приемы литературной изобразительности, формировали и область реальных, и область идеальных представлений о князе, то есть в той или иной мере направлены были на решение двуединой задачи конструирования и

²⁰ Бычков В. В. Теория образа в византийской культуре VIII–IX веков // Старобългарска литература. Кн. 19. София, 1986. С. 60–74; Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. С. 48–57 (разд. Византийская теория образа); Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М., 1999. С. 131–138; Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. Стб. 669–674; Основы литературоведения / Под общ. ред. В. П. Мещерякова. М., 2003. С. 17–22; Федотов О. И. Основы теории литературы. Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение. М., 2003. С. 91–126.

²¹ Демин А. С. Внешность человека в древнейших славянских житиях // Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 89–99.

его портрета, — образа конкретного, исторического, телесного, если угодно, человека, героя сего мира, и его, несомненно, более востребованной средневековым христианским сознанием иконы, — образа его духовной природы, лика, в котором отсвечивается инобытийная действительность мира занебесного, ипостаси, сопряженной с Первообразом божественной святости.

«Слово о Законе и Благодати» с момента первой публикации отдельных его фрагментов²² и до сей поры неизменно интересно ученым. Памятник, как показано выше, неоднократно переиздавался и вместе с тем оценивался с точки зрения разных наук — исторической, литературоведческой, лингвистической, философской, богословской²³.

²² Оленин А. Н. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. СПб., 1806.

²³ В дополнение к весьма объемной библиографии, сопровождающей статью об Иларионе в Православной энциклопедии (Т. XXII: Икона — Иннокентий. М., 2009. С. 126), отмечу здесь не указанные в ней труды: Федотов Г. П. Русская религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М., 2001. С. 88–91 (перев. с англ. по изд. 1946 г.); Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры («Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментяна // ТОДРЛ. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. Л., 1974. С. 30–46; Лихачев Д. С. Слово о Законе и Благодати Илариона // Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 10–22; Мецкерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси. Л., 1976. С. 231–237; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI–XIII вв.): Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 79–82; Jakobson R. Гимн в Слове Илариона о законе и благодати // Selected Writings. Vol. 6, part 2: Early Slavic Paths and Crossroads. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 402–414; Мильков В. В. Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. М., 1986. С. 6–38; Кормин Н., Любимова Т., Пилюгина Н. Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и благодати» // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 39–55; Поляков А. И. Метод символической экзегезы в историософской теологии Илариона // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 56–81; Абрамов А. И. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона как русская историософская реакция на христианско-идеологическую экспансию Византии // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 82–95; Макаров А. И. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. II. С. 96–111; Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М., 1989. С. 24–44; Горский В. Образ истории в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 65–75; Розов Н. Иларион и первые русские летописи // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 89–94; Колесов В. Умное слово в «Слове» Илариона Киевского // Альманах биб-

Его на бесспорном основании считают незаурядным литературным творением, шедевром риторики и поэзии. Соответственно, авторы многих старых и новых руководств по истории древней русской литературы²⁴, истории русской мысли²⁵, истории русского литературного

лиофила. Вып. 26. С. 95–113; *Мильков В.* «Слово о законе и благодати» Илариона и теория «казней божиих» // Альманах библиофила. Вып. 26. С. 114–121; *Иванов М. С.* К проблеме богословского наследия Древней Руси // *Иванов М. С.* Богословский сборник. Т. 1: Статьи разных лет. М., 2011. С. 67–75 (статья 1989 г.); *Лабунька М.* Митрополит Иларион и його писання. С. 7–23; *Пиккьо Р.* Об изоколических структурах в литературе православных славян // *Пиккьо Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 548–556 (перев. с итал. по изд. 1991 г.); *Сендерович С.* Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павликианская теология // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 43–57; *Овчинников Г. К.* 1) «Слово о законе и благодати» святителя Илариона как «собрание» его сочинений // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 227–240; 2) Загадка «Слова о Законе и Благодати» Илариона Киевского // Вестник Московского государственного индустриального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 154–169; *Погосбекян Д. Р.* 1) Политико-правовая тематика в «Слове о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона // Вестник Университета Российской академии образования. № 3. М., 2001. С. 68–80; 2) Проблемы права и нравственности в первом политическом трактате «Слово о Законе и Благодати» // Государство и право. М., 2002. № 6. С. 98–103; *Демин А. С.* Семантика перечислений и манера повествования в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии: Сб. статей к 60-летию научной деятельности академика Н. И. Балашова. М., 2002. С. 141–145; *Александров А. В.* Символическая структура проповеди в Слове о Законе и Благодати // Серебряный век: Диалог культур. Сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф. пам. проф. С. П. Ильева. Одесса, 2003. С. 71–79; *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир... С. 33–51; *Кириллин В. М.* «Слово о Законе и Благодати»: идейно-художественная специфика орации // *Кириллин В. М.* Очерки о литературе Древней Руси. Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012. С. 217–227; *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 8–144.

²⁴ *Шевырев С.* История русской словесности: Лекции. Ч. 2. М., 1860. С. 20–33; *Миллер О.* Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1, вып. 1: (От древнейших времен до татарщины). СПб., 1865. С. 245; *Порфирьев И. Я.* История русской словесности. Ч. 1. Древний период: Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд. 3-е. Казань, 1879. С. 344–349; *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. Т. 1, отд. 1: Древнерусская словесность. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 283–284; *Караулов Г.* Очерки истории русской литературы. В 2 т. Т. 1: Литература древнего периода и нового до Пушкина. Изд. 3-е. М., 1888. С. 128–129; *Полевой П. А.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е. В 3 т. Т. I. СПб., 1903. С. 57–58; *Владимиров П. В.* Древняя русская литература Киевского периода, XI–XIII веков. Киев, 1900. С. 137–140; *Протопопов Н.* Очерки по истории древнерусской письменности: От начала письменности до XVIII века. Изд. 2-е. М., 1902. С. 29–33; История русской литературы / Под. ред. Е. В. Анич-

языка²⁶, истории политических учений²⁷ неизменно уделяют ему внимание. Со всей определенностью выявлены его культурно-историческая аутентичность, степень информативной достоверности, идейная значимость, художественная и языковая специфика.

Это касается и конкретно похвалы Владимиру Святославичу, занимающей в сочинении Илариона значительное место (композици-

кова, А. К. Бородина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. II. М., 1908. С. 82–88; *Петухов Е. В.* Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Юрьев, 1911. С. 30–32; *Сперанский М.* История древней русской литературы: Пособ. к лекц. в Университете на Высш. жен. курсах в Москве. Изд. 2-е. М., 1914. С. 295–298; *Возняк М. С.* Історія української літератури. В двох кн. Кн. перша. Вид. 2. Львів, 1992. С. 138–143; *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2002. С. 163–172; *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. II. Київ; Львів, 1923 // Электронный ресурс. Изборник. Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/hrushukr/hrush202.htm>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 25.04.2014); *Орлов А. С.* Древняя русская литература: XI–XVI вв. М.; Л., 1937. С. 69–72; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Изд. 3-е. М., 1945. С. 87–95; *Еремин И. П.* 1) Учительная литература [XI — начала XIII века] // История русской литературы: В 10 т. Т. I: Литература XI — начала XIII века. М.; Л., 1941. С. 354–356; 2) Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1987. С. 80–84; *Čiževskij D.* History of Russian Literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. Mouton & Co, 'S-Gravenhage, 1960. P. 36–39; *Водовозов Н.* История древней русской литературы. М., 1972. С. 31–36; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982. С. 68–70; История русской литературы / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 90–92; *Левшин Л. В.* История восточнославянского книжного слова... С. 110–116; *Пиккио Р.* Древнерусская литература / Перев. с итал. М. Ю. Кругловой и др. М., 2002. С. 58–63; Древнерусская литература: XI–XVII вв. / Под ред. В. И. Коровина. М., 2003. С. 59–65.

²⁵ *Замалеев А. Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987. С. 109–116; *Громов М. Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 70–72; История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М. А. Маслин и др. М., 2001. С. 21–23; *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М., 2010. С. 49–51.

²⁶ *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 95–99; *Бродская В. Б., Цаленчук С. О.* История русского литературного языка. Ч. I (X–XVIII вв.). Львов, 1957. С. 39–42; *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975. С. 138–152; *Ковалевская Е. Г.* История русского литературного языка. М., 1978. С. 82–84; *Меицгерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981. С. 45–52; *Мещерский Е. В.* История русского литературного языка. М., 2002. С. 28–32.

²⁷ История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М., 2004. С. 209–212; История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2006. С. 96–104.

онно похвала является третьим разделом речи²⁸: от слов «Хвалить же похвалными гласы Римская страна...» до слов «...от всякоа рати и плѣнениа, от глада и всякоа скорби и сътѹждения»²⁹). Учеными разных поколений и разных специализаций вполне детально проанализированы исторический, идеологический, историософский, религиозный, композиционно-стилистический аспекты и всей орации в целом, и славословия князю в частности, так что остается только вторить, но лишь в рамках необходимого, уже сказанному в научной литературе.

Начав с утверждения, что всякая страна имеет своего учителя веры христианской и чтит его, оратор призывает себя и слушателей (или читателей) воздать хвалы Владимиру. И далее, чередуя прямое обращение к князю с изложением от третьего лица, искусно использует поэтику аналогизмов и контрапозиций, различных именовании и эпитетов, фонетических, морфемных, лексико-фразеологических, синтаксических, семантических, троповых повторов и вариаций. Владимир совершил «великое» и «дивное»: будучи государем, «великим каганом» Русской земли, он стал для нее «учителем и наставником». Он подобен своим «славным» и «благородным» предкам, князьям Игорю и Святославу, но и отличен от них: тех чтут за «мужество и храбрѹство», «повѣды и крѣпость», они правили в стране, известной повсюду, а этому, помимо «крѣпости», «силы» и «мужства», присущ также «съмысл», то есть разум³⁰, и он был не только у себя «единодержцем», ему покорились и соседние народы.

Как видно, сопоставление осложнено у Илариона противопоставлением, подспудно (ибо здесь нет специального акцента) отмечающим превосходство Владимира Святославича над своими отцом и дедом. Так, очевидно, продолжается тема второй части произведения, в которой Иларион говорит о значении принятия Русью христианства

²⁸ Относительно композиционной структуры «Слова» в научной литературе бытуют разные мнения. Я придерживаюсь той точки зрения, что «Слово» имеет четырехчастное деление: первая — догматическая — часть посвящена сравнительному сопоставлению ветхозаветной и новозаветной религий, а также христологии; второй раздел гомилии — исторический — представляет собой размышление о значении принятия Русью христианства; затем следует панегирический раздел — похвала Владимиру; и завершается вся речь «молитвой к Богу». — Кириллин В. М. «Слово о Законе и Благодати»... С. 219-225.

²⁹ Здесь и в дальнейшем текст Илариона цитируется по последнему научному изданию, осуществленному К. К. Акенгьевым (см. выше).

³⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25 (Скорыня — Снулый). М., 2000. С. 226–228.

и о превосходстве христианской Руси над Русью языческой.

Констатируя справедливое, твердое и разумное правление этого князя: «землю свою пасущу правдою, мужествомъ же и смысломъ», ритор переходит к проблеме его духовного преображения. Указанные добродетели государственного деятеля стали, по Илариону, причиной Божественного наития: «приде на нь посѣщение Вышняго, призрѣ на нь всемилостивое око благаго Бога»; и князь проникся осознанием лживости язычества и стремлением к единому Творцу: «вѣсна разумъ в сердци его, яко разумети сѣтѣхъ идольскыи лъсти и вѣзыскати единого Бога, сътворшааго всю тварь видимую и невидимую». По примеру благоверной Греции он «вѣждае сердцем, вѣзгоре дѣхом, яко быти ему христану и земли его». В купели святого крещения он очистился от «праха неверия» — «белообразуяся», стал «сыномъ нетлѣннымъ», «сыномъ воскресения». Новое имя князя — Василий (в переводе с греч. яз. царь) указывает не только на его именитость, но и на его приобщенность к небесному граду Иерусалиму: «имя примѣ вѣчно, именито на роды и роды, Василии, имже написася въ книги животныя въ вышнимъ градѣ и нетлѣннѣимъ Иерусалимѣ»³¹. Присущая ему «къ Богу любовь» разрывает границы его личного религиозного эгоизма. Сопрягая «благовѣрие» и «власть», князь побуждает и весь свой народ принять христианство.

Вслед за патетическим описанием единодушного и единовременного воцерковления «всей земли нашей» Иларион прямо обращается с чередой риторических вопросов к объекту своего славления, называя его «чичителемъ». В своих апострофах оратор, во-первых, выражает обеспокоенность тем, как воистину подобающе воздать хвалу князю, и, соответственно, вновь — и повторяясь — характеризует достоинства по-

³¹ Несомненно, Иларион ясно понимал также и прямую и ассоциативную связь этого имени с понятиями земного и небесного царства, ибо во всем его сочинении не раз встречаются соответствующие выражения и библейские цитаты. Например: «сѣтвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ ѹпитѣннымъ отъ вѣка, вѣзлюбленнымъ Сыномъ своимъ Исусомъ Христомъ, съзвавъ на едино веселие небесныя и земныя, съвокупивъ въ едино ангелы и человекы»; «Вси языци въсплещѣте руками и въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышний страшень, царь великъ по всей земли» (Пс. 46: 2–3); «...пойте цареви нашему, пойте, яко царь всей земли Богъ, пойте разумно. Вѣцарися Богъ надъ языки» (Пс. 46: 8–9); «яко есть Богъ единъ творецъ невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и землянымъ»; «славимъ тя Господа нашего Исуса Христа съ Отцемъ, съ Пресвятымъ Дѣхомъ, Тронцу нераздѣлану, единоебожествену, царствующу на небесѣхъ и на земли ангеломъ и человекомъ».

следного: Василий-Владимир — «честный и славный в земельных владениях» и «премудростивный», его отличают «доброта» (духовная красота), «крепость и сила», он «христолюбец», «друг правды» (любит справедливость), он «смыслу мѣсто» (средоточие разума), «милостыни гнѣздо» (источник милосердия), благодаря ему народ познал Господа и избавился от «льсти идольская» (оставил язычество). Во-вторых, ритор по-прежнему волнует загадка пережитого князем духовного изменения — обращения к вере и Христовой любви. При этом Иларион опять упоминает «разумъ» князя, который, будучи «выше разума земельных мудрець», позволил ему познать Бога и стать «учеником» Христа, стать «блаженным», на котором исполнились слова Христа к апостолу Фоме: «Блажени не видѣвше и вѣровавше» (Ин. 20: 29). Феноменальность свершившейся перемены оттеняется противопоставлением, несомненно, полемического свойства, которое продолжает тему первой части орации Илариона, посвященной анализу взаимоотношения Ветхого и Нового Заветов, иудаизма и христианства: князь не видел Христа, не видел Его апостолов, не видел тех, кто именем Иисусовым творит чудеса, но последовал за Ним, открыл свое «сердце» для веры, преисполнился «страхом Божиим», а другие люди видели Христа и Писание знали, но осудили Его на распятие.

Вопрошаниям оратора вторят его восклицательные обращения к Владимиру Святославичу, развивающие парадигму сопоставления князя с языческими государями. Здесь панегирист вновь отмечает, что «блаженный» князь «токмо от благаго смысла и остроумна разумѣвъ» единого Бога Творца и Спасителя и, «си помысливъ, вѣниде въ святую купѣль».

Далее панегирист, помянув «щедроты и милостыня» князя, именует его честным («честниче»), то есть тем, кому воздается честь, кого почитают³², и «присным Христовым рабом». За это, и особенно за обращение ко Христу всей Русской земли, Владимир «похваленъ» от Господа «на небесѣх». Он «подобникъ» Константина Великого, равен ему по уму («равноумне»), такой же христолюбец, так же чтит священнослужителей, так же «по всей земли своей» утвердил «вѣру». Сравнение с Константином осложняется у Илариона ветхозаветной параллелью: восхваляя Владимирову сына Ярослава-Георгия, ритор утвер-

³² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1573–1575.

ждает, что последний закончил начатое его отцом — возвел на месте старого деревянного каменный Софийский собор, как некогда Соломон закончил начатое Давидом строительство Иерусалимского храма: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгий... иже недоконьчана твоя наконьча, акы Соломонъ Давидова, иже домъ Божий великий святыи его Прѣмудрости създа...». Данная аналогия прямо ставила Владимира-Василия, а заодно и Ярослава-Георгия, в единый ряд святых царей: Давид — Соломон — Константин — Василий — Георгий, тогда как Киев с Софийским собором, согласно этой аналогии, оказывался в ряду святых городов: Иерусалим — Константинополь — Киев.

Завершается похвала Владимиру в «Слове о Законе и Благодати» молитвенным славлением, в котором Иларион в прямом хайретическом обращении к князю, как к пребывающему в сонме святых, перифрастически характеризует его личность, скомпонованно повторяя все свои уже данные атрибуции: Владимир — «во владыкахъ апостолъ», то есть апостол среди государей, «учитель» и «наставникъ благовѣрню», он «правдою... облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истинною обутъ, съмысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и ѳтварью златою красѹсяся»; он «честнаа глава, нагымъ одѣние», «алчнымъ кѣрмитель», «жаждѹщимъ ѳтробѣ ѳхлаждение», «вѣдовицамъ помощникъ», «страннымъ поконше», «бескровнымъ покровъ», «овидимымъ застѹпникъ», «ѳбогимъ обогащение».

Таким образом, главным для Илариона в его восхвалении является то, что Владимир Святославич — идеальный правитель, государь-апостол, креститель, просветитель Русской земли и небесный попечитель о ее людях. Панегирист, следовательно, оценивает личность князя, во-первых, идеологически — в церковно-историческом и историософском планах, во-вторых, духовно — в патронажном аспекте.

Другая посвященная благоверному князю Владимиру гомилия — «Память и похвала» Иакова Мниха — тоже длительное время привлекает научную мысль, хотя и не так интенсивно, как сочинение Илариона. В большей степени она интересовала историков³³. Филоло-

³³ В дополнение к библиографии, сопровождающей статью об Иакове Мнихе в Православной энциклопедии (Т. XX: Зверин в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь — Иверия. М., 2009. С. 544–545), необходимо указать здесь следующие работы: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 199–200; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1, 1-я пол. С. 744–745; *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир... С. 51–92, 151–161; *Карпов А. Ю.* Иаков Мних // Электронный ресурс. Образовательный портал «Слово». 30.10.2011. Режим

ги невысоко оценили литературные достоинства речи Иакова ввиду ее некоторой структурно-стилистической сумбурности. Вот почему, надо полагать, в обзорах древней русской литературы и в руководствах по смежным научным дисциплинам это произведение обычно если и упоминается, то лишь мимоходом и без должного анализа³⁴. Тем не менее, и к нему еще до сих пор исследователи сохраняют научный интерес. Споры идут в основном относительно времени его появления, первоначального состава и фактографической ценности. В последнее время мнения сводятся к тому, что означенный текст все-таки был создан в XI в. и изначально представлял собой единство похвалы Владимиру и его краткого жизнеописания (без позднейшей похвальной вставки, посвященной благоверной княгине Ольге)³⁵. Надо отметить, что и содержательным особенностям сочинения в целом дана довольно внятная характеристика³⁶.

«Память и похвала» — в ее собственно гомилетической части (от начала «**Пауль святыи апостоуль, церковный учитель...**» до слов «...того ради примуть вѣнецъ красоты от рѹки Господни»³⁷) — во многом, но только не текстуально, схожа с хвалебствием Илариона. Во-первых, Иаков использовал те же литературные приемы: так же, но сдержаннее, сочетая апострофические периоды с нарративными и панегири-

доступа <http://www.portal-slovo.ru/history/44827.php>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 25.04.2014).

³⁴ Шевырев С. История русской словесности... С. 56; Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности... С. 257; Порфирьев И. Я. История русской словесности... С. 357; Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода... С. 187–188; Петухов Е. В. Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений... С. 47; Сперанский М. История древней русской литературы... С. 312; Возняк М. С. Історія української літератури... С. 164–166; Грушевський М. Історія української літератури. Т. II... (разд. Оригінальне письменство XI–XII вв., параграф «Морально-дидактична література доби. Анонімні твори. Феодосій печерський, Яков, Мономах») // Электронный ресурс. Изборник. Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/hrushukr/hrush202.htm>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 25.04.2014); Орлов А. С. Древняя русская литература... С. 106; Адрианова-Перетц В. П., Еремин И. П. Жития [в русской литературе XI — начала XIII века] // История русской литературы: В 10 т. Т. 1. С. 332–333.

³⁵ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 51–80.

³⁶ Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев, 1878. С. 68–73; Бугославский С. Л. К литературной истории «Памяти и похвалы»... С. 138–141; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 80–92.

³⁷ Здесь и далее текст Иакова цитируется по последнему изданию, осуществленному Н. И. Милютенко (см. выше).

ческими, так же прибегая к разнообразным повторам, сравнениям, противопоставлениям, тропам и т. д. Во-вторых, у него прослеживается та же логика построения текста: объяснение мотивов собственного труда, рассказ о крещении Владимира и подчиненного ему народа, характеристика добродетелей князя. Наконец, в тексте Иакова обнаруживаются подобный же корпус эпитетов и некоторые — правда, весьма незначительные — фразовые совпадения, вернее типовые словосочетания (в «Слове о Законе и Благодати»: «разумѣти съетѹ идольскыи льсти», «мракъ идольскый», «льсти идольскыа извыхомъ», «завлүждениа идольскыа льсти»; тогда как в «Памяти и похвале»: «отверже всю безбожнїю лестѣ», «отвержесе всея диаволи льсти», «прииде от тмы диаволя», «человеки изъ лести диаволя къ Богѹ приведе», «уклонився от слүжбы диаволя»). Пожалуй, интенсивнее новый панегирист привлекает себе в помощь Библию, щедро ее цитируя и при этом не повторяя своего предшественника. Больше сообщает он о других, помимо крещения, деяниях князя — о борьбе с язычеством, о победах над соседними народами, о противостоянии печенегам, о походе на Корсунь, но, однако, меньше внимания уделяет княжеской храмовладельческой деятельности. В свой текст Иаков, в отличие от Илариона, вводит также молитвы крестителя Руси. Нужно отметить и его иную по степени напряженности в плане дифирамбной и патриотической патетики интонацию, что сопряжено, видимо, — в содержательном плане — с отсутствием у него суждений о мистическом значении Владимира для Русской земли, а в формальном — с совсем другим ритмическим строем его речи. Наконец, Иаковым иначе расставлены и некоторые смысловые акценты.

Сказанное предопределяет сопоставление текстов, совершенно необходимое ввиду поставленной выше научной проблемы выяснения того, что же особенное, специфичное сравнительно с Иларионом, усматривал Иаков в личности крестителя Русской земли.

Прежде всего, Иаков последовательно именует Владимира Святославича не только «блаженным», как его предшественник, но и «благоверным», однажды даже и «божественным». Илариону эпитет «благоверный» тоже знаком. Но он употребляет его не по отношению к князю, а применительно к другим предметам речи, подразумевая при этом нравственное состояние, высокое качество веры, благочестие, праведность³⁸: «благовѣрнни земли Гречьскѣ», «како веси и гради

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). М., 1975. С. 192.

благовѣрнии вси въ молитвахъ предстоять», «Радуйся, благовѣрный граде! Господь с тобою!», «благовѣрнцю сноху» Ирину. Вместе с тем Иларион неоднократно отмечает благоверие Владимира, опять-таки имея в виду лишь его духовную настроенность: «единоя славы и чести обещьника сътворилъ тя Господь на небесѣхъ благовѣрна твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ», «благовѣрие его съ властью съпряжено», «добръ послухъ благовѣрнцю твоему, о влаженниче». Иаков же, по-видимому, ориентируется уже на специальное значение церковного термина, связанного с представлением о типе святости³⁹: «о благовѣрнемъ князѣ Володимери всея Руския земля», «вжада благовѣрный князь Володимеръ святого крещения», «добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ». Вкупе с признанием факта святости это было обусловлено, следует думать, также стремлением Иакова развить отмеченную выше идею Илариона о преемственной причастности Владимира к череде угодников Божиих, в том числе и святых правителей.

В самом деле, Иаков не удовлетворяется уподоблением киевского князя только царю Давиду и императору Константину Великому, как это было у его предшественника, он вообще более настойчиво проводит исторические аналогии. Приняв крещение, Владимир «възвеселися о Божѣ Давыдъскы... и аки святыи пророкъ дивный Аввакумъ “о Господѣ веселся и радуюся”», князь «подобно Константину Великому дѣло сътвори», князь «подобися... царю Иезекѣю (Езекии), и треблаженому Иосѣю (Иосии), и великому Коньстянтинѣ», князь также «възлюбви Аврамово житие и подража странюлюбви его, Иакову истинѣ, Моисѣеву кротость, Давыдово везловие, Константина, царя великого, перваго царя крестянского, того подражая правовѣрие, боле же всего бяше милостыню творя».

Новые библейские соотнесения (дополняющие тождество: римский император — киевский князь) демонстрируют, прежде всего, отличное знание панегиристом ветхозаветного предания и богослужебного обихода.

О родоначальнике евреев Аврааме известно, например, как о постоянном собеседнике Божиим; особенно любимой в церковном предании стала история встречи праотца с Господом, явившемся ему в виде трех странников в дубраве Мамре (Быт. 18: 21)⁴⁰. Отсюда устой-

³⁹ Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 20–23; Никулина Е. Н. Агиология: Курс лекций. М., 2009. С. 241–243.

⁴⁰ Библейская энциклопедия / Труд и изд. архим. Никифора. М., 1891. С. 18–20.

чивые характеристики Авраама в христианской гимнографии: «**страннолюбие**»⁴¹ (тропарь 7 песни канона бесплотным силам Иоанна Монаха и др.), «**боголюбивый**» (стихира анатолиева 6 гласа в Неделю святых праотец перед Рождеством Христовым и др.). Но Авраам, кроме того, создал прецедент как благотворитель, выделив селимскому царю и священнику Мельхиседеку при встрече с ним десятую часть от своего имущества (Быт. 14: 18-19). Внук Авраама Иаков отличался непоколебимой верой и кротостью, что так же отражено гимнографией в атрибуциях: «**вездлюбие**» (тропарь 8 песни канона преп. Даниилу Столпнику), «**үгодникъ вѣрнѣйшии всѣхъ Бога**» (тропарь 6 песни канона Праотцам), «**простота**» (тропарь 7 песни канона преп. Феоктисту Секелийскому), «**нехитростное**» (стихира 4 гласа преп. Никите Халкидонскому). Но Иаков, уместно напомнить, имел еще 12 сыновей и потому воспринимался как символ народа Божия и всей Церкви⁴². Прямой потомок Иакова Моисей, вождь еврейского народа и законодатель⁴³, в «Книге Чисел» прямо назван «кротчайшим из всех людей» (Чис. 12: 3). Соответственно, анонимный автор канона Моисею именуется его «**служитель бывъ Божий якоже кротокъ слыша ся и дѣтель**» (тропарь 8 песни⁴⁴); да и в стихословиях другим святым устойчиво упоминается его «**незлюбие**» (тропарь 7 песни канона Спиридону Тримифийскому). Но вместе с тем Моисей известен и как непримиримый борец с идолопоклонством ради почитания единого Бога (Исх. 32). Другой потомок Иакова, Давид, известен, в частности, тем, что запретил убивать своего безжалостного и неотступного гонителя Саула (1Цар. 24: 3-8); став царем, он привел Израиль в цветущее состояние и задумал соорудить в Иерусалиме храм для поклонения Господу (2Цар. 7: 1-7), а в псалмах сумел с особой глубиной выразить чувства покаяния перед Творцом и радости от примирения с Ним⁴⁵. Вот почему в церковных гимнах часто отмечается кротость Давида (тропарь 8 песни Канона преп. Даниилу Столпнику, тропарь 7 песни Канона преп. Феоктисту, седален 8 гласа из Службы в Неделю святых праотец) и обычен мотив его веселья: «**днесь Давидъ радѣется**» (стихира на стиховне 8 гласа из Службы Предпраздн-

⁴¹ Извлечения сделаны по изданию: Минія. Київ, 1893 (12 томов по месяцам).

⁴² Библейская энциклопедия. С. 311-312.

⁴³ Там же. С. 480-483.

⁴⁴ Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 г. / Труд орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886. С. 42.

⁴⁵ Библейская энциклопедия. С. 179-182.

ства Рождества Пресвятой Богородицы), «**веселиа днесь Давидъ исполняется**» (кондак 3 гласа из Службы в Неделю по Рождестве Иисуса Христа). Об Аввакуме Священное Писание сообщает мало⁴⁶, но зато под его именем бытовала одна из пророческих книг, часто вместе с толкованиями Феодорита Киррского⁴⁷. А вот в богослужебном обиходе личность Аввакума оказалась весьма востребованной, ибо ему как провидцу пришествия Господня посвящены разные ирмосы к четвертым песням разных канонов⁴⁸. При этом тема веселия пророка так или иначе проявляется в ряде его стихословных упоминаний. Особенно показателен посвященный самому Аввакуму канон Феофана Начертанного: «**Твоего на земли явления, Христе Боже, проповѣдая пророкъ пришествие, съ веселиемъ вопияше: Слава силѣ твоей, Господи**» (ирмос 4 песни); «**Велегласно, мѹдре, о Божѣ Спасѣ възраждюся, възопилъ еси, и възвеселюся, Аввакуме всеблаженне**» (тропарь 5 песни). Напротив, цари Езекия и Иосия, в отличие от Авраама, Иакова, Моисея, Давида и Аввакума, едва упоминаются в славянском богослужении просто по именам и без каких-либо атрибуций: соответственно, в стихире 5 гласа в Неделю святых отец перед Рождеством Христовым и в двух тропарях 8 песни Канона праотцам в Неделю святых праотец в преддверии того же праздника. Однако довольно подробно, но разбросанно, сообщается о них в Четвертой книге Царств, во Второй книге Паралипоменон и в Книге пророка Исаии. В данном случае важно, что оба царя отличались умом и благочестием, занимались широкой градостроительной деятельностью и, главное, каждый из них в свое время, лично отказавшись от язычества, решительно уничтожил распространенные среди евреев традиции идолослужения и восстановил почитание единого Бога (4Цар. 18: 1-6; 4Цар. 22: 8-23; 1-24; 2Пар. 34: 3-33)⁴⁹.

Не трудно догадаться, что приведенные Иаковом Мнихом параллели вполне отражают сходство жизни названных библейско-исторических персонажей с жизнью — в некоторых чертах и подробностях — Владимира Святославича. Но таким образом они определяют не только ретроспективно-историософскую глубину оценки великого Киевского князя как правителя; ими прямо и перифрастически, ино-

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 24-25.

⁴⁸ Ирмологий. Почаевская Лавра, 1875. С. 8, 9, 10 (глас 1); 39 (глас 2); 61, 62 (глас 3); 79, 81, 82 (глас 4); 108, 109 (глас 5); 123, 125 (глас 6); 140, 141 (глас 7); 156, 157, 158, 159 (глас 8).

⁴⁹ Библейская энциклопедия. С. 218-219, 367.

сказательно — в соответствии с известными библейскими фактами — обозначается также радостный характер принятия князем веры, его борьба с язычеством и его личностные свойства: гостеприимство, правдолюбие, смиренность, незлобивость, благочестие, милосердие, щедрость.

Иначе, сравнительно с Илларионом, Иаков рассказывает о побудительных мотивах крещения Владимира Святославича. По Илариону, князя вдохновил пример Греции: «Паче же слышано ему вѣ всегда о благовѣрнии земли Гречьскѣ, христіолюбиви же и сильнѣ вѣроу, како единого Бога вѣ Троици чтѣуть и кланяются, како вѣ них дѣются силы и чудеса и знаменна, како церкви людий исполнены, како веси и гради благовѣрнии вси вѣ молитвахъ предстоятъ, вси Богови прѣстоятъ. И си слышавъ...», он крестится. Иначе говоря, князь поступил как политик. Владимир же Иакова руководствуется примером частных авторитетов, то есть принимает не политическое решение, а личное, духовное: «Взиска спасения и прия о бавѣ своей Олзѣ, како шедши къ Царюграду, и прияла вяше святое крещение, и пожи доврѣ предѣ Богомъ, всими добрыми дѣлы украсившися, и почи с миромъ о Христѣ Исусѣ и вѣ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Володимеръ о бавѣ своей Олзѣ, нареченѣй вѣ святомъ крещении Елене, тоя и житие подража, такоже и святыя царици Елены, матере великаго царя Коньстантина житию ревнѣя вѣ всемъ».

Повествование Иакова о крещении Владимира Святославича, в отличие от версии Илариона, наполнено также деталями, характеризующими внутреннее состояние князя, на что, между прочим, еще никто из исследователей не указывал. Так, предшественник Иакова, следуя своей политической концепции, весьма настоятельно говорит о рациональном побуждении Владимира к принятию христианства, последовательно употребляя по отношению к нему, как показано выше, лексемы: «смысл» (5 раз), «разум» (2 раза), «разумети» (1), «остроумне» (1), «разумев» (1), «помысливъ» (1), «равноумне» (1). Вместе с тем Иларион заметно сдержаннее отзывается о мистической подоплеке княжеского решения креститься. Только однажды он указывает на таковую: «...приде на нь (Владимира. — В. К.) посѣщение Вышняго, призрѣ на нь всемилостивое око благаго Бога, и въсна разумъ вѣ сердци его, яко разумѣти сѣтѣ идольскыи льсти и възискати единого Бога...». В данном случае ситуация выглядит так, будто Господь лишь ниспослал князю озарение как Своему избраннику, а дальше князь действовал исключительно сам: узнав о благочестии греков, «въждеда сердцемъ, възгорѣ

дүхомъ, яко быти емү христиану», «притече къ Христу, токмо от благаго съмысла и остроумна разумѣвъ, яко есть Богъ единъ... си помысливъ, вниде въ святую купель». Несомненно, подобная интерпретация факта обращения Владимира ко Христу по собственному сознательному выбору отражает общую идею Илариона о церковно-государственной самостоятельности и независимости Руси.

Иаков же совсем по-другому освещает происшедшее. Под его пером событие обретает прямую связь с Божественной волей, а Владимир Святославич выступает прежде всего как исполнитель и проводник последней: «Просвѣти благодать Божия сердце князю... и вжада святого крещения», «и Богъ сътвори хотѣние его», «И разгоряшеся Святимъ Дүхомъ сердце его, хотя святого крещения. Видя же Богъ хотѣние сердца его... и призрѣ съ небесѣ милостью своею и щедротами», «Богъ праведенъ... просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру прияти святое крещение», «даръ Божий осѣни его, благодать Святого Дүха освѣти сердце его, и навъче по заповѣди Божии ходити», «и высть князь Володимеръ аки уста Божия», «послуживъ Богү всимъ сердцемъ и всею дүшею», «благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше емү». Больше того, действуя по вдохновению от Господа и подобно княгине Ольге и императрице Елене отдавшись воле Божией, Владимир ответствуется не размышлением, а сильным чувством и желанием. Соответственно, Иаков, описывая ситуацию преобразования князя, совсем не использует слов, семантически связанных с интеллектуальной деятельностью и с понятиями ум, мыслить, но, напротив, предпочитает слова, сопряженные с областью чувства и эмоции, — «вжада», «хотѣние», «хотя», «сердце», «дүша». Их употребление, причем репетитивное, просто вынуждает читателя воспринимать крещение князя как рефлекс духовного порыва. Получается, что именно глубокое внутреннее переживание подвигло его к решению принять Христа. Кстати, столь нарочито употребляя слово «сердце», Иаков, несомненно, имел в виду как минимум отвлеченный смысл этого слова, сопряженный с представлением о духовно-умственной жизни человека⁵⁰, соответственно, например, библейской традиции: «И положи Данииль на сердцы своемъ» (Дан. 1, 8); «и усветова сердце мое во мне» (Неем. 5: 7); «Не скорь буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряет износити слово предъ лицемъ Божиимъ» (Еккл. 5: 1); «Блаженны чистые сердцемъ,

⁵⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24 (Се — Скорый). М., 2000. С. 78–79.

ибо они Бога узрять» (Мф. 5: 8); «Речеть злый рабъ той въ сердцы своемъ» (Мф. 24: 48); «Мариамъ соблюдаше вся глаголы сия, слагающи въ сердцы своемъ» (Лк. 2: 19) и т. п. Однако как максимум Иаков вполне мог исходить из давно известного учения Церкви о том, что сердце есть центр боготварной природы человека, вся его духовно-материальная суть, соответственно, например, взглядам преподобного Макария Египетского: «Ибо те, которые суть сыны света и служения Новому Завету в Духе Святом, ничему не научаются у людей, как научаемые Богом. Сама благодать пишет на сердцах их законы Духа. Посему не в Писаниях только, начертанных чернилами, должны они находить для себя удостоверение, но и на скрижалях сердца благодать Божия пишет законы Духа и небесные тайны; потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладеет пажитями сердца, тогда царствует она над всеми членами и помыслами, ибо там ум и все помыслы и чаяние души. Почему благодать и проникает во все члены тела»⁵¹.

Уместно заметить, что Иларион тоже несколько раз апеллирует к сердцу Владимира: «въсна разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи льсти», «въждаде сердцемъ, възгорѣ дѣхомъ, яко быти ему христианинъ», «Какое ти сердце разверзется?», «Не видѣ апостола... сердце твое на сѣмѣрѣнне клоняща». Но все-таки сердечное движение у Илариона представляется больше как результат действительно подчеркнутой работы княжеского самосознания, работы, связанной с усмирением собственной натуры («сердца»). Иаков же однозначно трактует преобразование Владимира мистически — как эмоциональный ответ на Божественный призыв. Именно этим можно объяснить используемые им в рассказе о крещении Руси, опять-таки репетитивно, лексемы чувств: «И възрадовася, и възвеселася о Бозѣ Давыдъскы князь Володимерьъ», «О, коллика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и архангели, и святыхъ души възыграшася», «Толкно бес числа дѣшь по всей земли Руской приведены къ Божу святымъ крещениемъ, похвалы всякыя дѣло достойно створи и радости дѣховныя полно», «И вси людие Рускыя земля познаша Бога твоею, божественый княже Володимере. Възрадовашася ангельстии чини, агници честнии, нынѣ радуются вѣрнии, и воспѣша, и възсхвалиша!»,

⁵¹ Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 52 (Беседа 15). См. также: Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Труды КДА. 1860. Кн. 1, отд. 2. С. 63–70; Вышеславцев Б. Значение сердца в религии // Путь. № 1. 1925. Париж, 1925. С. 79–98.

«Възвеселися, и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещени, и хваляшеся, и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимеръ. И сице в радости смиреннемъ сердца глаголаше...». Иаков воссоздает атмосферу всеобщего духовного веселия и ликования по случаю крещения Руси в результате Божественного откровения, и образ князя включен у него в симфонию космической радости: ее переживают и ангельские чины, и святые угодники, и русское общество, и сам Владимир.

Подобная лирико-мистическая интерпретация прошлого совершенно чужда Илариону. Разумеется, тема радости у него тоже звучит, но не изъяснительно и не восклицательно — в контексте описания непосредственной ситуации крещения и похвалы князю, а в побудительно-повелительном модусе — как авторское обращение к крестителю: «И си вся видѣвъ, възрадуйся и възвеселися и похвали благаго Бога, всемъ симъ стронтеля! Видѣ же, аще и не тѣломъ, нъ дѣломъ покажетъ ти Господь вся си, о нихъже радуйся и веселися, яко твое вѣрное въсѣяние не исцѣшено высть зноемъ невѣрна...». Что же касается собственно рассказа о крещении, то перцепция, эмоция и интенция Илариона иные. Он восхищается деянием Владимира, но совсем ничего не говорит о воодушевлении неба и земли, строго связав княжеский образ с этикетом феодальных отношений и порядка вещей: князь крестился сам и, по его повелению, единодушно и «въ едино время» крестились все остальные его подданные. Получается, Илариона в истории крещения Руси больше интересовала идеальная гармония общественного устройства, восторжествовавшая благодаря идеальному правителю. У него Владимир Святославич выглядит человеком, сознательно определившим свой выбор и действующим сообразуясь с разумом, под стать идеальному учителю веры и государю, идеальному с точки зрения средневековых церковных представлений о миропорядке общественному авторитету.

Иаков же, напротив, весьма и весьма настойчиво рисует Владимира богоизбранником, человеком, по-библейски живо ощутившим волю Господа, радостно откликнувшимся на ее предопределение порывом своей души и последовавшим за Христом. Больше того, у Иакова князь еще и смелый предстоятель перед Богом в своей земной жизни. Об этом свидетельствуют воспроизведенные оратором собственные молитвы Владимира — благодарственно-исповедная по крещении, просительная перед походом на Корсунь и просительно-исповедная предсмертная. Особенно показательна как самохарактеристика первая княжеская молитва: «Господи Владыко благый, помануль

мя еси и привелъ мя еси на свѣтъ, и познахъ Тя, всея твари Творца. Слава Ти, Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Исуса Христа! Слава Ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, сице мя помиловавъ. Въ тмѣ вяху, диаволу служба и вѣсомъ, но Ты мя святымъ крещениемъ просвѣти. Аки звѣрь вяхъ, многа зла творяхъ въ поганьствѣ и живяхъ аки скотина, но Ты мя укроти и наказа своєю благодатью. Слава Ти, Боже в Тронцы славимый, Отче, и Сыне, и Святый Душе! Тронце Святая, помилуй мя, настави мя на путь Твой и научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой!» Эти тропари о богооткровенномъ преобразении грешника и стихи его благодарственного славления наглядно отражаютъ внутренний портрет истово отдавшейя Господу личности.

Здесь уместно обратиться к картине крещения Руси, нарисованной преподобнымъ Несторомъ Летописцемъ в «Чтении» о Борисе и Глебе: «Такъ же и сему Владимеру явленне Божие быти ему крестьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крестятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Слышите чудо, исполнь благодати: како вчера заповѣдая всѣмъ требу принести идоломъ, а днесъ повелѣваетъ хреститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа; вчера не вѣдаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесъ проповѣдатель Его явися; вчера елинь Владимиръ нарицаея, днесъ крестьянъ Василий наричаеся. Се второй Костянтинъ в Руси явися. Нъ и се чуднѣи: заповѣди во ишедши, яко же преже ркохомъ, всѣмъ хреститися — и всѣмъ грядущимъ крещению, ни понѣ единому супротивящюся; но аки издавна научены, тако течаху радующеся къ крещению. Радовашеся князь Володимеръ, видя ихъ теплюю вѣру, иже имяху къ Господу нашему Исусу Христу»⁵². Какъ видно, Нестора, подобно Илариону, волнуетъ феноменъ собственно преобразования Владимира, при этомъ онъ такъ же сторонится религиозной мистики и такъ же констатируетъ единодушные последовавшіе за княземъ люди. Однако совершенно в тон Иакову свидетельствуетъ о всеобщей народной радости по случаю крещения. Между прочимъ, онъ находитъ и собственные краски для образа крестителя Руси. Такъ, онъ пополняетъ составъ историческихъ аналогій к личности и деяніямъ крестителя Руси образомъ святого Евстафія Плакиды, с исторіей крещения котораго сопоставляетъ исторію крещения киевскаго князя: «Бысть бо, рече, князь въ тыи годы,

⁵² Житія святыхъ мучениковъ Бориса и Глеба и службы имъ. С. 4.

володый всею землею Рускою, именемъ Владимиръ. Бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣроу. Сему Богъ спону нѣкакѹ створи быти ему христѹяну, яко же древле Плакидѣ. Бѣ бо Плакида мужъ праведенъ и милостивъ, елинъ же вѣроу, яко же в житии его пишется. Нъ егда видѣ, явльшомуся ему, Господа нашего Исуса Христа, тѣгда поклонися ему, глаголя: “Господи, кто еси и что велиши рабѹ твоему?” Господь же к нему: “Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтѣши. Нъ иды и крѣстися”. Он же тѹ авне помѣ женѹ свою и дѣтища своя и крѣстися во имя Отца и Сына и Святаго Дѹха, и наречено имя ему бысть Евстафѣй. Тако же и сему Владимиру явление Божие быти ему крѣстьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василии. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крѣстятъ во имя Отца и Сына и Святаго Дѹха»⁵³. Идеино ключевой в этом сравнении, на мой взгляд, является фраза «Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтѣши», утверждающая факт неосознанного христианства язычника Евстафия и, соответственно, позволяющая судить о цели всего сопоставления, а именно о предумышленной трактовке и Владимира Святославича как стихийного христианина, личность которого еще в язычестве отличали вполне христианские добродетели, если иметь в виду пятую и восьмую заповеди блаженства (Мф. 5: 7, 10): «бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣроу».

Подводя итоги проведенному сравнению, с полным основанием можно утверждать, что Владимир Илариона лично более этикетен и схематичен; Владимир же Иакова наделен чертами более живой, во всяком случае, более религиозно отзывчивой натуры.

Грань различия ощущается даже в том, как оба гомилета общаются о возведении в Киеве Десятиной церкви во имя Приснодевы Марии. У Илариона это известие подано в форме обращения к Владимиру и как подтверждение преданности последнего вере христианской: «Добръ послухъ благовѣрню твоему, о блаженниче, святѹа церкви Святыя Богородица Мариа, юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужьственное твоѣ тѣло нынѣ лежит, жида трубы архангельскы». Факт существования храма есть, по Илариону, свидетельство и памятник действительно происшедшей в князе духовной перемены. И все. Рассказ же Иакова, будучи по форме описанием, подразумевает другое,

⁵³ Там же.

а именно действительную заботу Владимира о ближних своих в христианском смысле этого выражения: «И церковь созда каменѹ во имя пресвятыя Богородица, привѣжище и спасение дѹшамъ вѣрнымъ, и десятину ей дасть, тѣмъ попы наждѣти и сироты, вдовица и нищая». То есть Иаков являет князя радеющим о подданных добролюбом: для них он создал храм, именно для их духовного и материального блага.

Еще более ярким индексом расхождения двух панегиристов в интерпретации образа Владимира Святославича представляется предопределенная литературным канонам характеристика княжеской щедрости и милосердия:

Слово о Законе и Благодати

Къ семѹ же кто исповѣсть многыа твоя нощныа милостыня и дневныа щедроты, яже къ ѹбогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дѣлжнымъ, къ вдовамъ и къ всѣмъ требѹющимъ милости? Слышалъ бо вѣ глаголь, глаголаный Даниломъ къ Наѹходоносору: Съвѣтътъ мой да бѹдетъ ти годѣ, царю Наѹходоносоре, грѣхы твоя мшюстиями оцѣсти и неправды твоя щедротами нищинухъ (Дан. 4: 24). Еже слышавъ ты, о честынниче, не до слышанна стави глаголаное, нѣ дѣломъ съконча, просящимъ подаваа, нагыа одѣвая, жадныа и алчныа насыщяа, болящимъ всяко ѹтѣшение посылаа, должныа искѹпая, работнымъ свободу дая.

Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человекѣхъ поминаемы сѹтъ, паче же пред Богомъ и ан-

Память и Похвала

И три трапезы поставляше: первую митрополитѹ съ епископы, и съ черноризцѣ, и съ попы; вторую нищимъ и ѹбогимъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мѹжемъ своимъ...

Боле же всего вяше милостыню творя князь Володимеръ. Иже немощныа и старыа не можахѹ донти княжа двора и потребѹ взяти, то въ дома имъ посылаше, немощнымъ и старымъ, всякѹ потребѹ блаженный князь Володимеръ даяше. И не могѹ сказати многыа его милостыня, не токмо въ домѹ своемъ милостыню творяше, но и по всемѹ граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей земле Руской. И въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыа одѣвая, алчныа кормя и жадныа напаяя; странныа покоя милостыю; церковники чтя, и любя, и милѹя, подавая имъ требованне, нищая, и сироты, и вдовица, и слѣпыа, и хромыа, и трѹдоватыа, вся милѹя, и одѣвая, и накормя, и напаяя.

Такоже пребывающѹ князю Володими-

геломъ его. Ёя же ради добропри-
любныа Богомъ милостыня, мно-
го дръзновение имѣеши къ нему,
яко присныи Христовъ рабъ.

рѹ въ добрыхъ дѣлахъ, благодать
Божия просвѣщаше сердце его и рѹка
Господня помогаше ему.

Трудно логически выразить то, чем приведенные тексты разнятся применительно к построению образа Владимира Святославича как благотворителя миру. Но очевидно, что Иларион здесь жестче следует отвлеченному этикету, стремясь к иконной идеализации своего героя, тогда как Иаков — конкретнее и эмоционально теплее. Соответственно, Иларион рисует князя не только творившим милостыню при жизни, в согласии с заветом пророка Даниила (при этом антитеза «Навуходоносор — Владимир» явственно указывает на превосходство русского властителя, ибо он делами милосердия вполне искупил свою дохристианскую греховность перед Богом в противоположность древнему разрушителю Иерусалима и творцу истуканов, который, хоть и признал в конце жизни величие Единого Творца, и от тяжелого недуга безумия исцелился, но ничего не сделал в свое оправдание⁵⁴); Иларион, кроме того, говорит о Владимире как о личности, ниспосылающей людям свою помощь по смерти: с небес, от Бога. А вот из-под пера Иакова выступает более ярко представимый лик именно жившего на земле доброго князя, более ясный характер заботившегося о своем народе здесь, в этой жизни, правителя. И в данном отношении, между прочим, текст Иакова конгениален летописной похвале князю, содержащейся в статье за 996 г.: счастливо выжив в битве с печенегами, Владимир «постави церковь (Преображения Господня. — В. К.) и творяше праздникъ, варя 300 переваръ меду. И зваше бояры своя, и посадники, и старѣйшины по всимъ градомъ, и люди многы, и раздаваше 300 гривенъ ѹбогимъ. И празнова князь Володимеръ тѹ дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успение святыа Богородица, и тѹ пакы творяше праздникъ свѣтель, съзываше вѣчисленое множество народа. Видяше же люди крестьяны сѹща, радовашеся душею и тѣломъ. И тако по вся лѣта творяше». Согласуется по наглядности и житейской конкретике повествование Иакова и с фольклорной традицией:

«Собирал им (Добрыне и Дунаю. — В. К.) Владимир все почестен пир

Для многих князей, для многих бѹяров,

⁵⁴ Библейская энциклопедия. С. 498-499.

Да для сильных могучих богатырей,
Для всех полениц да преудальных,
Для всех купцов-гостей торговых,
Для всех крестьянушек прожиточных,
Да про многих казаков со тиха Дону,
Да про всех-то калик да переходжих,
Перехожих калик да переброжих.
Еще все на пиру тут напивались,
Еще все на честном пиру наедались,
Еще все на пиру были пьяны-веселы»⁵⁵.

В целом же Иаков, как можно заключить, развивая присущие Илариону церковно-исторический и историкофилософский аспекты изображения и оценки Владимира Святославича, обогащает личностный портрет последнего оттенками, указывающими на его мистическую связь с Богом, на его духовное переживание по поводу собственного приобщения ко Христу и на его пылкое следование заповеди о милосердии и о благодеянии. При этом, прямо признавая и доказывая святость князя, Иаков почему-то совсем не касается его патронажной роли в качестве небесного молитвенника о Русской земле — темы, весьма важной для Илариона.

Любопытно, что текст «Повести временных лет» раздвоился относительно оценки Крестителя Руси и в указанных выше похвальных разделах тяготеет то к одному, то к другому панегиристу XI в.

Так, в уже цитированной статье за 996 г. похвала князю, выраженная, между прочим, не прямо, а под видом описательной характеристики его деяний в качестве христианина, отражает народные представления об идеальном властителе и в этом отношении ближе к

⁵⁵ «Бой Добрыни с Дунаем» // Библиотека русского фольклора: Былины / Под ред. Ф. М. Селиванова. М., 1988. С. 74–75. Понятно, что это — очень поздняя фиксация народного предания и собирательного представления. Но все же корни подобного предания и представления уходят в самую глубь веков. То есть вряд ли можно сомневаться в том, что и в древности Владимир Красное Солнышко рисовался народному воображению примерно так. Надо, правда, отметить распространенное среди фольклористов мнение, не признающее за русским былинным эпосом историчности как соответствия «фактической стороне истории» (*Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин // *Русский фольклор*. Т. 10. М.; Л., 1966. С. 105 и др.), что, естественно, не позволяет признавать тождество былинного Владимира с крестителем Руси, о котором повествуют известные литературные источники. Однако, думается, русские сказители, вспоминая в своих песнях, о ласковом и хлебосольном Владимире Красном Солнышке вряд ли отличали его от знаменитого Киевского князя: и для них, и для их слушателей былинные события и лица были вполне историчными.

позиции Иакова Мниха, иногда даже и текстуально тождественна последней (ниже соответствующие чтения выделены подчеркиванием). Согласно взглядам летописца, если логически выводить их из его описания, князь — 1) земной молитвенник перед Богом и ходатай о своем народе и Русской Церкви: «Володимиръ же... вшедъ в ню [Десятинную церковь — В. К.] и помолися Богѹ, глаголя: «Господи Боже!... Посѣти винограда своего [то есть Русскую землю — В. К.]. И свѣрши... люди сия новыя... познати Тебе, истиннаго Бога. И призри на церковь сию, юже создахъ недостойный рабъ твой... И аще помолитъся кто въ церкви сей, то услыши молитву его и отпусти вся грѣхы его...»; 2) радатель о духовенстве и установитель церковно-государственных отношений: «И... рекъ сице: «Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ от имѣнния своего и от моихъ градъ десятую часть». И положи, написавъ, клятвѹ въ церкви сей, рекъ: «Аще сего посудитъ кто, да бѹдетъ проклятъ»; 3) любитель книжного просвещения, подражатель ветхозаветным пророкам Давиду и Соломону и последователь Евангелия в делах милосердия и нищелюбия: «Бѣ во любя книжная словеса, слыша во единю евангеліе чтомо: «Блаженни милостивни, яко тѣби помиловани бѹдутъ», и паки: «Продайте имѣнния ваша и дайте нищимъ», и паки... и Давида глаголюща: «Благъ мужъ милѹя и дая», Соломона слыша глаголюща: «Дая нищимъ, Богѹ в заемъ даять». Си слышавъ, повелѣ...»; 4) щедрый податель милости, в деяниях которого воплотилась народная мечта о сытом изобилии, справедливом распределении благ и неизбывном празднике: в дополнение к выше приведенному примеру — «Си слышавъ, повелѣ нищю всякѹ и ѹбогѹ приходити на дворъ на княжь и взимати всякѹ потребу: питье и яденье, и от скотъничъ кѹнами. Устрои же се: рекъ, яко «Немощни, болни не могутъ доити двора моего», повеле устроить кола и, вскладываше хлѣбы, мяса, рыбы и овошь разноличный и медъ въ вочкахъ, а въ другыхъ квасы, возити по градомъ, выпрашающе: «Кде болни, нищни, не могутъ ходити?» И тѣмъ раздавахѹ на потребу. И се же творя людемъ своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридници пиръ творити и приходити бояромъ, и гридьмъ, и соцькимъ, и десятникомъ и нарочитымъ мужемъ и при князѣ и безъ князя. И бываше на обѣдѣ томъ множество от мясъ, и от скота и от звѣрины, и бяше же изобилью всего»; 5) боящийся Бога почитатель отеческих традиций и устроитель порядка во внешней и внутренней жизни государства, миролюбец в отношениях с соседями: «Егда же подопяхѹтъся [дружинники — В. К.], и начахѹ роптати на кня-

зя, глаголюще: «Зло есть нашимъ главамъ: да намъ ясти дръвяными лжицами, а не сребряными». И се слышавъ, Володимиръ повелѣ исковати лжици сребряны ясти дръжинѣ, рекъ сице, яко «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дръжины, а дръжиною налѣзю сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой... донскася дръжиною злата и сребра». Бѣ бо любяше Володимиръ дръжинцѣ, и с ними думая о строеннѣ землинемъ, и о уставѣ земленемъ, и о ратѣхъ. И бѣ живя с князи околными его миромъ: с Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ и съ Ондрикомъ Чьшскимъ. И бѣ миръ межи ими и любви. И живяше Володимиръ въ страстѣ Божии». Как можно думать, новыми, не известными ни Илариону, ни Иакову, ни Нестору — автору «Чтения» о Борисе и Глебе, здесь, бесспорно, являются мотивы книжной просвещенности Владимира Святославича, его приверженности к праздничному веселию, а также охранной и учредительной деятельности в области государственно-общественного порядка. Кстати, летописное сопоставление Владимира с ветхозаветными царями Давидом и Соломоном нельзя связывать с текстом «Слова о Законе и Благодати», ибо у Илариона креститель Руси уподоблен им как храмоздатель, а не как благотворитель. Нет здесь связи и с текстом Иакова, в котором киевский князь сравнивается с Давидом на предмет испытываемой им благочестивой радости.

В «посмертной» похвале Владимиру, заключающей его жизнеописание в «Повести временных лет» (статья за 1015 год), напротив, в основном продолжается линия митрополита Илариона. Разве что только эпитет «блаженный» как обозначение святости князя коррелирует с текстом Иакова. Будучи текстуально весьма лаконичной и вместе с тем самостоятельной, эта похвала, однако, повторяет некоторые характеристики Владимира, известные по «Слову о Законе и Благодати», — «аачьнымъ кѣрмитель», «овидимымъ заступникъ», «твоя бо щедроты и милостыня», «како добротѣ твоей почюдимся». Но летописец при этом привносит в контекст восхваления Владимира и нечто свое. Так, во-первых, он различает государственный и социальный аспекты попечительской деятельности князя: к усопшему «снидошася бе-цнсла, и плакашася по немъ, — бояре аки заступника земли ихъ, ѹбозни аки заступника и кормителя»; во-вторых, говоря об удивительном феномене происшедшей с Владимиром перемены, летописец мотив милосердия усиливает мотивом покаяния, которого, между прочим, нет у Илариона и Иакова: «аще бо бѣ преже в поганьствѣ и на сквѣрнцѣ похоть желая, но послѣди прилежа к покаяню... аще бо прѣже в невѣжствѣ, етера быша сгрѣшения, послѣди

же расыпашася покаяньемъ и милостными»; в-третьих, летописец переосмысливает мотив «доброты» как красоты духовной, подчёркивая роль князя уже в качестве добродетеля Русской земли: «сый же ѹмеръ во исповѣданни доврѣмъ, покааньемъ расыпа грѣхы своя, милостными, иже есть паче всего добрѣи... Дивно есть се, колико добра створи Рѹсской земли, крестивъ ю»; в-четвертых, так же, как Иларион и Иаков, летописец прямо сопоставляет Владимира с императором Константином Великим: «Се есть новы Костянтинъ великаго Рима, иже крести вся люди своа самъ, и тако сий створи подобно емѹ»; при этом, в-пятых, летописец реализует и скрытое сопоставление, в котором развиваются мотивы покаяния и книжности крестителя Руси: «Аще бо бѣ преже в поганьствѣ и на сквѣрнѹю похоть желая, но послѣди прилежа к покаянью, якоже вѣщааше апостолъ: “Идеже ѹмножися грѣхъ, тѹ избобильствуетъ благодать” (Рим. 5: 20). Аще бо прѣже в невѣжьствѣ, етера выша сгрѣшения, послѣди же расыпашася покаяньемъ и милостными, якоже глаголетъ: “В нем тѹ застанѹ, в том ти и сѹжую” (Прем. 11: 17). Якоже пророкъ глаголетъ: “Живъ азъ, Аданан Господь, якоже не хоцю смерти грѣшника, якоже обратитися емѹ от пѹти своего и живѹ быти, обращениемъ обратися от пѹти своего злаго” (Иез. 33: 11). Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живѹще, и къ смерти соврацаються праваго пѹти и погыбають, а дрѹзгин развращено превывають и къ смерти въспомянѹтся и покаяньемъ добрымъ очнстятъ грѣхы. Якоже пророкъ глаголетъ: “Праведный не возможе спастися въ день грѣха его. Егда рекутъ правѣдному: Живъ бѹдеши, сый же ѹповаеть правдою своею и сотворитъ безаконье, — вся правда его не въспоманеться, в неправдѣ его, юже створи, и в ней ѹмреть. И егда рекутъ нечестивому: смертию ѹмреши, ти обратитися от пѹти своего и створитъ сѹдъ и правдѹ, и занмъ сѹдъ, лъжю отдасть, и въсушннене възвратитъ, — вси грѣси его, яже сгрѣшилъ есть, не помянѹтся, яко сѹд и правдѹ створилъ есть, и живъ бѹдетъ в них. Комѹжьто вас сѹжую по пѹти его, доме Изранлевъ!” (Иез. 33: 12-16, 20)». По летописцу получается, что Владимир оставляет грех через духовное преображение и покаяние, как бы подобясь и следуя апостолу Павлу и пророкам Соломону и Иезекиилу.

Необходимо, наконец, отметить, что в статье за 1015 г. имя киевского князя сопровождается определениями: только здесь и единжды во всем летописном тексте использовано сочетание «блаженный князь» [Владимир — В. К.], а также эпитет «новый Константин», хотя

выражение «новин людѣ» применительно к христианской Руси, встречающееся, кстати, и в «Слове о Законе и Благодати» («Лѣпо бѣ благодати и истинѣ на новы люди въснати»), привычно для летописца («Призри на новыя люди своя», «иже възлюби новыя люди, Рускую землю»). Вообще стоит обратить внимание на отличительную сухость летописца в атрибутивных оценках Владимира Святославича. Так, под его пером имя князя — и в «языческом», и в «христианском» разделах жизнеописания — последовательно, за исключением отмеченных двух мест, выступает как голый король: без каких-либо определительных характеристик. Аналогичным образом в «Повести временных лет» обозначаются и имена других князей. Между прочим, составители позднейших летописных сводов, воспроизводя текст «Повести временных лет», тоже оставались верны этому принципу. Возможно, он отражает некую исконную простоту, восходящую к традиции взаимобращения еще в родоплеменном обществе.

Итак, надеюсь, удалось показать, что по крайней мере в XI столетии в русской литературе имел место процесс некоторого развития идейных и, соответственно, образно и иконологично выраженных представлений о киевском князе Владимире Святославиче. Процесс этот, как можно полагать, был сопряжен с постепенным распространением и укреплением национального почитания крестителя Руси как идеального государственного деятеля и русского святого и отражал разные культурные тенденции — представления, характерные для типологии сугубо церковного свойства, и неофициальные народные воззрения. По-видимому, Иларион был ближе к первым, Иаков — ко вторым, автор летописных хвалебствий Владимиру и Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе» были менее определены в своих аксиологических установках и подходах.

Источники и литература:

1. Акентьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И. П. Медведева / Под ред. К. К. Акентьева. СПб.: Византинороссика, 2005. С. 122–152.
2. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
3. Библейская энциклопедия / Труд и изд. архим. Никифора. М., 1891.
4. Библиотека русского фольклора: Былины / Под ред. Ф. М. Селиванова. М., 1988.
5. БЛДР. Т. 1. СПб., 1997.
6. Бродская В. Б., Цаленчук С. О. История русского литературного языка. Ч. I (X–XVIII вв.). Львов, 1957.

7. *Бугославский С. Л.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 141–153.
8. *Бычков В. В.* Теория образа в византийской культуре VIII–IX веков // Старобългарска литература. Кн. 19. София, 1986. С. 60–74.
9. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М., 1999.
10. Владимир (Василий) Святославич // ПЭ. Т. VIII: Вероучение — Владимир-Волынская епархия. М., 2004. С. 705–706.
11. *Владимиров П. В.* Древняя русская литература Киевского периода, XI–XIII веков. Киев, 1900.
12. *Водовозов Н.* История древней русской литературы. М., 1972.
13. *Возняк М. С.* Історія української літератури. В двох кн. Кн. перша. Вид. 2. Львів, 1992 (по изд. 1920).
14. *Вышеславцев Б.* Значение сердца в религии // Путь. № 1. 1925. Париж, 1925. С. 79–98.
15. *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. Т. 1, отд. 1: Древнерусская словесность. Изд. 2-е. СПб., 1880.
16. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. 1-я пол. М., 1901.
17. *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 2010.
18. *Громов М. Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990.
19. *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. II. Київ; Львів, 1923 // Электронный ресурс. Изборник. Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/hrushuk/hrush202.htm>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 25.04.2014).
20. *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Изд. 3-е. М., 1945.
21. *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
22. *Джиджора Е. В.* Исследования по средневековой литературе XI–XV вв.: Сб. науч. работ. Одесса: Астропринт, 2012.
23. Древнерусская литература: XI–XVII вв. / Под ред. В. И. Коровина. М., 2003.
24. Древнерусские княжеские жития / Подгот. тестов, перев. и коммент. В. В. Кускова. М., 2001.
25. *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1987. (1-е изд. 1968).
26. *Живов В. М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
27. *Жиленко І. В.* Пізні українські житія святого князя Володимира: Тексти і коментарі. Київ: Фенікс, 2013.
28. Жития святых мучеников Бориса и Глѣба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916.
29. *Замалеев А. Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987.
30. *Зимин А. А.* «Память и похвала» Иакова Мниха и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения АН

СССР. 1963. Вып. 37. С. 66–72.

31. Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 1. / Подг. текста и перев. Т. А. Сумниковой М., 1986.

32. *Иларион Слово о законе и благодати* / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Комментар. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М., 1994.

33. *Иосиф (Левитский), архим.* Подробное оглавление Великих четиих Минеи всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке (ныне Синодальной). Ч. 2. М., 1892.

34. Ирмологий. Почаевская Лавра, 1875.

35. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М., 2004.

36. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2006.

37. История русской литературы / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.

38. История русской литературы / Под. ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бородина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. II. М., 1908.

39. История русской литературы: В 10 т. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. М.; Л., 1941.

40. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М. А. Маслин и др. М., 2001.

41. *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2002 (1-е изд. Пг., 1922).

42. *Караулов Г.* Очерки истории русской литературы. В 2 т. Т. I: Литература древнего периода и нового до Пушкина. Изд. 3-е. М., 1888.

43. *Кириллин В. М.* Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). Июнь. С. 32–48.

44. *Кириллин В. М.* Очерки о литературе Древней Руси. Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012.

45. *Ковалевская Е. Г.* История русского литературного языка. М., 1978.

46. Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М., 1988.

47. *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982.

48. *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975.

49. *Левшун Л. В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001.

50. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001.

51. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995.

52. *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника русской духовной литературы XI в. // ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 302–336.

53. *Макарий Египетский, преп.* Духовные беседы. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1994.

54. *Мешчерский Е. В.* История русского литературного языка. М., 2002.

55. *Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981.
56. *Миллер О.* Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1, вып. 1: (От древнейших времен до татарщины). СПб., 1865.
57. *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
58. Минія. Киев, 1893. В 12-ти т.
59. *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
60. *Никольский Н. К.* Материалы для истории русской духовной письменности // СОРЯС. Т. 82. № 4. СПб., 1907. С. 1–21.
61. *Никулина Е. Н.* Агиология: Курс лекций. М., 2009.
62. *О Законѣ, Монѣомъ данѣѣмъ, и о Благодѣти и Истинѣ, Исѣсомъ Христомъ вывшини и како Законъ отиде, Благодѣтъ же и Истина всю землю исполни, и вѣра въ вся язъкы простресе и до нашего язъка Рѣскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени выхомъ, и молитва къ Богу от всеа земля наша // Прибавления к творениям святых отцов. Ч. 2. 1844. С. 223–252.*
63. *Оленин А. Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. СПб., 1806.
64. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1: № 577–819. М., 1970.
65. *Орлов А. С.* Древняя русская литература: XI–XVI вв. М.; Л., 1937.
66. Основы литературоведения / Под общ. ред. В. П. Мещерякова. М., 2003.
67. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. журнала «Странник» под ред. А. И. Пономарева. Вып. 1. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1894.
68. ПВЛ. Ч. I: Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
69. *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.; Л., 1962.
70. *Петухов Е. В.* Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Юрьев, 1911.
71. *Пиккио Р.* Древнерусская литература / Перев. с итал. М. Ю. Кругловой и др. М., 2002.
72. *Покровский Ф. И.* Отрывок Слова митр. Илариона «О законе и благодати» в списке XII–XIII вв. // ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 412–417.
73. *Полевой П. А.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е. В 3 т. Т. I. СПб., 1903.
74. *Порфирьев И. Я.* История русской словесности. Ч. 1. Древний период: Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд. 3-е. Казань, 1879.
75. *Протопопов Н.* Очерки по истории древнерусской письменности: От начала письменности до XVIII века. Изд. 2-е. М., 1902.
76. *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин // Русский фольклор. Т. 10. М.; Л., 1966.

77. ПЭ. Т. XX: Зверин в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь — Иверия. М., 2009.
78. ПЭ. Т. XXII: Икона — Иннокентий. М., 2009. С. 126.
79. Сборник 1414 года // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. Вып. I–XL. СПб., 1867. С. 82–88.
80. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915.
81. *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.
82. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. / Изд. подг. Н. Н. Розов // *Slavia*. Praha, 1963. Roč. 31. Seš. 2. S. 141–175.
83. *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // *Странник*. 1888. Май–август. С. 197–238.
84. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // *Чтения в обществе истории и древностей российских*. 1848. Кн. 7. № 11. С. 21–41.
85. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1 (А–Б). М., 1975.
86. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 24 (Се — Скорый). М., 2000.
87. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 25 (Скорыня — Снулый). М., 2000.
88. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Труд орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886.
89. *Соболевский А.* В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси // *Чтения в историческом обществе преп. Нестора Летописца*. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 45–58.
90. *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М.: Издат. Совет РПЦ, 2008. (1-е изд. Париж, 1951).
91. *Сперанский М.* История древней русской литературы: Пособ. к лекц. в Университете на Высш. жен. курсах в Москве. Изд. 2-е. М., 1914.
92. *Срезневский В. И.* «Память и похвала» князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // *Записки Императорской Академии наук. Ист.-филол. отд.* 1897. Т. 1. № 6. С. 1–8.
93. *Срезневский Вс.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. СПб., 1893.
94. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.
95. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007.
96. *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2014.
97. *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче: (исследование и тексты) // *Вестник церковной истории*. 2006. № 2. С. 6, 17, 31–39.
98. *Федотов О. И.* Основы теории литературы. Ч. 1: Литературное творче-

ство и литературное произведение. М., 2003.

99. Фотокопия творів митрополита Іларіона із кодексу С-591 // *Лабунька М.* Митрополит Іларіон і його писання / Праці Греко-католицької Богословської Академії. Т. 80. Рим, 1990. С. 53–124.

100. *Хрущев И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев, 1878.

101. *Шевырев С.* История русской словесности: Лекции. Ч. 2. М., 1860.

102. *Юркевич П. Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Труды КДА. 1860. Кн. 1, отд. 2. С. 63–70.

103. *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

104. *Čiževskij D.* History of Russian Literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. Mouton & Co, 'S-Gravenhage, 1960.